

СПАСЕНИЕ КУЛЬТУРОЙ?

С тех пор, как западный индивид, а вслед за ним и российский «убил Бога», который оказался слишком стеснительным фактором для «самореализации», его место заняла «культура». Потеряв свой верхний этаж в виде теологии и основывающейся на ней морали, культура, в свою очередь, превратилась в нечто в высшей степени функциональное и утилитарное, если не сказать — политизированное. Из ориентированного на трансцендентное «заклятия смерти» она превратилась в способ выживания для определенной человеческой общности, стала средством сохранения того, что сейчас называется идентичностью. Как следствие, она стала также инструментом достижения геополитического могущества или его восстановления, если оно уже утрачено. Другими словами, она превратилась в «цивилизацию» — в том смысле, какой вкладывал в это понятие Шпенглер.

Все происходящее сейчас в России свидетельствует о том, что на ее культурное наследие стали возлагаться типично цивилизаторские надежды. Теперь, в ситуации противостояния вестернизации, нам требуется сохранить свои культурные отличия с тем, чтобы в более благополучном будущем было чем обосновывать свои притязания на геополитический реванш. Поэтому появилась необходимость срочно отыскать у себя (и не только у себя, но и вообще где угодно), ценности, которые можно было бы эффективно противопоставить американским. Культурная угроза, исходящая с Запада оказалась столь явной, что среди представителей творческой интеллигенции нашлось немало добровольцев, охотно принявших выполнять социальный заказ под названием «Российская духовность и культура против американской бездуховности и антикультуры».

Но эта борьба против всемогущей Америки вовсе не есть борьба культуры против цивилизации. Это идеологическая борьба одной цивилизации против другой и поднятие одной из борющихся сторон лозунга культуры на свой щит — типичное средство идеологического противостояния, практикуемое в эпоху противоборства цивилизаций. Будучи в широких масштабах примененным в ходе первой мировой войны, оно стало еще более актуальным сейчас. Актуальными же остались и основные приемы этой борьбы — провозглашение себя цивилизованными, а противников «варварами», с одной стороны, и отождествление себя с благородными «рыцарями», а врагов с меркантильными «буржуа» с другой.

Как бы то ни было, попытаемся определить вектор той «Kulturkampf», которая теперь разворачивается в России. Он соответствует прагматическому стилю эпохи Путина, или вернее, мировоззренческому стилю того поколения, которое Путин представляет. Условно этот вектор можно назвать гуманистически-традиционалистским. Он гуманистический потому, что наследует ряд сугубо секулярных ценностей, пие-

тет к которым был воспитан во времена СССР. Традиционалистским он является по той причине, что ищет обоснование этих ценностей в до-дерновом культурном прошлом как России, так и иных народов. Спектр этих ценностей довольно широк — от чувства собственного и национального достоинства, личной и корпоративной чести, мужества, патриотизма и честности до утверждения необходимости человеческой самореализации и научно-рационального поведения при достижении целей. Будучи взяты сами по себе, это ценности «второго порядка», поскольку они не увязаны ни с каким религиозным (трансцендентным) гарантом их прочности и достоверности. Сила морального импульса, опирающегося на эти ценности, основана на том, что он исходит из триады, внешне похожей на ранее могущественную традиционную. А именно: «какой-человек-есть» (в наши последние времена) — «каким-он-должен-быть» (тут на помощь приходят примеры из давнего и недавнего прошлого) — «что-он-должен-делать-чтобы-стать-таким-каким-он-должен-быть». Традиционалистская религиозная триада отличается от данной лишь тем, что в ней предполагается знание человеком своей истинной сущности, необходимое для успешной моральной трансформации. Этому знанию и обязана сила второго пункта традиционалистской моральной триады: «каким-человек-должен-был-бы-быть-если-бы-осознал-свою-истинную-сущность». Но этой общеобязательной силой не обладает сейчас ни одна из версий морали, будь она основана хоть на ценностях американского образа жизни, хоть на ценностях нынешнего российского Kulturkampfа. Поэтому успех того мероприятия, которое затеяло поколение Путина, зависит от того, успеет ли это поколение исключительно силой личного примера убедить (или хотя бы заинтересовать) молодежь в преимуществах своего мировоззрения. Но в эпоху, когда сила моральных сентенций и подразумеваемых ими культурных ценностей зависит исключительно от энергии личной убежденности, шанс на победу имеет только наиболее напитанное энергией протеста моральное действие. Все остальное просто не принимается в расчет: сила уступает ведь только силе, а желание — желанию. И поэтому поколение Путина свои основные идеологические усилия прилагает к критике Америки и американских ценностей, критике, успевшей превратиться в своего рода интеллектуальную моду и признак хорошего тона.

Какие долговременные последствия может повлечь за собой такая стратегия? Для наследников российской и советской интеллигенции культура вновь стать предметом слепого поклонения, последней инстанцией, дающей своим «жрецам» основание судить всех остальных, кроме себя. Вместе с тем, так как нельзя все-таки в одну и ту же воду войти дважды, к этому поклонению будет примешана изрядная доля прагматического цинизма, свойственного политической борьбе. У тех, кто предпочитает считать себя не интеллигентами, а интеллектуалами, это вызовет понятное негативное отношение к самому слову культура, при звуке которого они если и не будут хвататься за пистолет, то демонстративно отворачиваться к экрану компьютера. Когда эффективность морального протеста против чего бы то ни было определяется только силой крика, остается заткнуть уши и покинуть поле Kulturkampfа.